

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена вопросительным предложениям в конфликтном тексте, осмыслению роли несобственно-вопросительных предложений в передаче утверждения о факте с дифференциацией конструкций, содержащих мнение адресанта, что является актуальным в юридической лингвистике при проведении экспертных исследований.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза текста, конфликтный текст, вопросительные предложения.

L. M. Popkova

INTERROGATIVE SENTENCES IN CONFLICT TEXT

The article is dedicated to the interrogative sentences in the conflict text, to the understanding of the role of improperly-interrogative sentences in the transmission of statements of fact with the differentiation of structures containing the opinion of the sender, which is acute in legal linguistics for conducting expertise.

Key words: linguistic expert text examination, conflict text, interrogative sentences.

Тексту как фокусу, через призму которого рассматриваются различные составляющие дискурса, посвящено огромное количество работ. См., например, работы Ю. Н. Грицкевич по политическому дискурсу [4], С. В. Лукьяновой по кулинарному дискурсу [5] и др. Конфликтный текст как организующий центр массово-информационного дискурса представляет особый интерес в свете юридической лингвистики.

В ходе проведения лингвистического анализа конфликтного текста перед экспертом всегда ставится задача разграничения утверждения о факте и передачи мнения или оценки.

К. И. Бринев считает, что в качестве содержательных оснований для решения проблемы разграничения фактов и мнений могут выделяться два критерия: модальный и онтологический.

«Мнение — это то, что маркируется модальными словами и конструкциями. Сведения — это то, что такими конструкциями не маркируется». «Факты — это то, что принадлежит действительности, мнения — то, что не принадлежит действительности, но является частью картины мира говорящего» [2, с. 111–113].

Однако исследователь подчеркивает, что «проблема разграничения категорий сведения и мнения, оценки и факта не является ясной: не совсем понятно, во-первых, к какой области лингвистических проблем относится данное противопоставление и, во-вторых, не совсем ясно, как понимается эта проблема в конкретных работах, посвященных проблемам юридической лингвистики и лингвистической экспертизы. Поясним последовательно оба момента. Первый момент связан с отсутствием в юридической лингвистике ясной формулировки лингвистической проблемы разграничения фактов и мнения или фактов и оценки. Второй момент заключается в

следующем: в конкретных публикациях и экспертных заключениях, посвященных данному вопросу, остается неясным, из каких содержательных предпосылок исходит лингвист при решении вопроса о том, что отражено в тексте — утверждение о фактах или оценка (мнение)» [2, с. 109–110].

А. Н. Баранов к важнейшим характеристикам категории утверждения о фактах относит грамматическую форму выражения утверждения (повествовательное предложение с присущими ему грамматическими показателями) [1, с. 31].

Однако очень часто конфликтные тексты включают вопросительные предложения, содержащие негативную информацию. Должен ли в этом случае лингвист-эксперт соглашаться с мнением Д. П. Горского, А. А. Ивина, А. Л. Никифорова — авторов Краткого словаря по логике? В их работе утверждается следующее: «постановка вопросительного знака, как правило, связана с тем, что данное предложение содержит в себе вопрос — особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чем-либо, т. е. не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо» [3, с. 24].

В собственно лингвистической литературе вопросительные предложения могут быть классифицированы по различным основаниям: по формальной их организации, по способу выражения вопроса, по модальному качеству; в зависимости от характера и объема той информации, которая должна быть получена; с учетом осведомленности говорящего о том, что спрашивается; в зависимости от ожидаемого ответа и др.

Для юридической лингвистики важным оказывается противопоставление вопросительных предложений по их первичным и вторичным функциям, поскольку в своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, — всегда экспрессивно окрашенной [6, с. 395]. При этом вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение, может содержать в своем составе вопросительные частицы, местоимения, наречия в сочетании с отрицательной частицей *не*, акцентирующие категоричность утверждения, неопременность наличия чего-н., возможность или целесообразность, обычность, закономерность чего-л. Это усиливает субъективный план высказывания.

Использование вопросительного предложения позволяет автору передать негативную информацию с определенной степенью безопасности для себя, введение же в вопросительную конструкцию модальных слов определенной семантики создает для него еще один уровень защиты, поскольку этими словами маркируется мнение. Приведем один из примеров (текстовые фрагменты приводятся со всеми имеющимися в них ошибками).

Ср.: *Этот некрасивый эпизод мог бы так и кануть в Лета, X был осужден Плюсским народным судом на 9 лет лишения свободы, если бы не одно «но»...*

*В апреле 2010 года Прокуратура Псковской области <...>вышла с представлением об отмене приговора X, усмотрев в действиях борцов с наркомафией процессуальные нарушения. Выступив в роли «адвоката», прокуроры добились смягчения приговора, для наркомана, пребывавшего в стенах надзирающего органа. X снизили срок до 6 лет. Что это? Принципиальная позиция? **А может быть, «своих покрываем»?** (Наркотрафик на прокурорском авто. Электронный ресурс. URL: <http://nafront.com/russia/37-narkotrafik-na-prokurorskom-avto.html>)*

Вопросительное предложение *А может быть, «своих покрываем»?* содержит негативную информацию: «прокуратура скрывает преступления своих сотрудни-

ков». Ее создает глагол **покрывать** — «помочь скрыть чей-л. проступок, преступление, укрыть виновного в чём-л.» (ТСК: 564). Однако вводная конструкция **может быть** — «возможно, вероятно» (МАС II: 305) — представляет информацию в виде мнения, что освобождает автора от юридической ответственности за передачу столь серьезной негативной информации.

Иная семантическая картина возникает в том случае, когда вводная конструкция передает не значение возможности, предположения, а значение вывода, следствия из сказанного.

Ср.: *Другое дело, когда чиновник, пользуясь своим служебным положением, позволяет за счет государства обеспечивать себя любимого комфортным особняком с сауной, бассейном и каминными залами. Такое приобретение, выходит, коррупцией не считается? Странно, не правда ли?* (Домик Кебекова и моральные принципы // Антикоррупционный фронт. 2013. № 1. Январь. С. 3.)

Вопросительное предложение *Такое приобретение, выходит, коррупцией не считается?* включает глагол **выходить**, который используется в значении вводного слова и передает семантику «стало быть, следовательно» (МАС I: 290). Под приобретением в приведенном предложении понимается комфортный особняк с сауной, бассейном и каминными залами, обладатель которого получил его за счет государственных средств. Негативная информация в вопросительном предложении подается с иронией (от греч. «притворное незнание»), то есть с намеренным скрыванием тех мыслей и оценок, к которым адресат в результате чтения текста должен прийти самостоятельно. Его вывод должен заключаться в следующем: приобретение особняка X — проявление коррумпированности чиновника; такое приобретение есть не что иное, как коррупция. Но в этом случае мы имеем дело с несобственно-вопросительным предложением, передающим утверждение.

Вывод, следствие из сказанного в вопросительном предложении передает и глагол **получаться**, выступающий в функции вводного слова.

Ср.: *Как водится статья, написанная ярко и сочно, взбудоражила общественность области. Факты, изложенные в статье, уличали первых лиц областной прокуратуры в нелегальных поступках, граничащих с деяниями, предусмотренными уголовным кодексом Российской Федерации, а это, согласитесь, нонсенс. Государственные служащие, призванные стоять на страже закона, этот самый закон, получается, что бесстыдно попирают? Но...* (На чужой роток, прокурорский платок. Электронный ресурс. URL: <http://nafront.com/pskov/79-na-chuzhoj-rotok-prokurorskiy-platok.html>)

Негативная информация, заключенная в вопросительном предложении, может быть сформулирована следующим образом: ««государственные служащие совершают незаконные действия». Семантика вывода из того, что сказано в текстовом фрагменте, формируется за счет вводного слова **получается**. Ср.: «2. получается, вводн. сл. Выходит, следовательно» (СОШ: 557).

Лексическое значение слов **бесстыдно** (беззастенчиво, нагло), **попирать** (грубо нарушать) усиливают конфликтность текста, подчеркивая несовместимость действий государственных служащих с их призванием. Ср.: «**Бесстыдно** → Бесстыдный. Не имеющий стыда, беззастенчивый, наглый» (МАС I: 86). «**Попирать**. → Попирать. Грубо нарушить» (ТСК: 557). Приведенное вопросительное предложение в несобственно-вопросительной функции, лишенное очевидных маркеров передачи мнения,

содержит скрытое утверждение. Но вопросительный знак, по мнению автора, должен завуалировать манипуляцию сознанием читателя и не создать в дальнейшем проблем адресанту текста, хотя заключенное в приведенном вопросительном предложении скрытое утверждение является и вербализуемым, и обязательным.

Таким образом, вопросительные предложения в конфликтном тексте при выполнении ими вторичных функций с ориентацией на передачу позитивной информации требуют от лингвиста-эксперта особо пристального внимания, поскольку при отсутствии очевидных маркеров передачи мнения или оценки они могут содержать обязательное, вербализуемое скрытое утверждение о факте.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М: Флинта: Наука, 2007.
2. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
3. Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Краткий словарь по логике. М., 1991.
4. Грицкевич Ю. Н. Фактор информации в политическом дискурсе // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 4. Псков: ПсковГУ, 2014. С. 101–105.
5. Лукьянова С. В. Феномен пищи, вкуса в медиатексте // Вестник Псковского государственного университета. «Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 4. Псков: ПсковГУ, 2014. С. 97–100.
6. Русская грамматика. Т II. М.: Наука. 1980.

Сокращения

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, ин-т русск. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2004.

ТСК — Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.